

КЭНДЗИ УЭДА

перевод Алины Федюрко,
Анастасии Хайретдиновой

МАГАЗИНЧИК
НУЖНЫХ СЛОВ

роман

МИО

МИФ Проза

Кэндзи Уэда

Магазинчик нужных слов

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44

Уэда К.

Магазинчик нужных слов / К. Уэда — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250611-8

В тихом переулке Гиндзы скрывается необычный магазин канцтоваров – место, где посетителям помогают найти нужные слова, способные изменить жизнь. Среди перьевых ручек, записных книжек, тетрадей и чернил здесь рождаются письма, на которые прежде не хватало смелости. Хозяин магазинчика не просто помогает выбрать бумагу или конверт – он бережно подводит каждого, кто переступает порог, к признанию, извинению или благодарности. И тогда несколько искренних строк становятся началом маленького чуда.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44

ISBN 978-5-00-250611-8

© Уэда К., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Глава 1. Вечное перо	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

#####

Kenji Ueda

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

GINZA SHIHODO BUNBOGUTEN Vol.1 by Kenji UEDA © 2026 Kenji UEDA

All rights reserved

Original Japanese edition published by SHOGAKUKAN.

Russian language edition arranged with SHOGAKUKAN, through EMILY BOOKS AGENCY LTD.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Глава 1. Вечное перо

1

Наконец-то закончилась стажировка для новых сотрудников, начавшаяся первого апреля. Первые две недели мы жили прямо в учебном центре и слушали лекции, а с третьей недели формат сменился: нас делили на группы, и мы по очереди объезжали главную контору, заводы, филиалы продаж, исследовательские центры, а затем презентовали выученное перед всеми.

Группы, обычно организованные по пять человек, велено было перетасовывать при каждой смене места визита, чтобы новички успели пообщаться со всеми своими сокурсниками по найму². Но оттого что спутники каждый раз менялись, у меня, человека застенчивого, стресс был чудовищный. Настолько, что сил уже не оставалось.

А сверх того или, вернее, вдобавок к этому тяжелее всего была борьба за лидерство среди ровни. Ну, знаете, эта игра в «кто выше». Отдел кадров, конечно, твердил: «Стажировка для новичков – это место учебы, а не оценки способностей и профпригодности», но и в вопросах на объектах, и в обсуждениях внутри групп, и в самих презентациях неизбежно становилось видно, кто лучше, а кто хуже. Из-за того, что это повторялось раз за разом, среди сокурсников по найму незаметно начала выстраиваться иерархия. Атмосфера испортилась настолько, что в перерывах за спиной уже можно было услышать и такое: «И как его вообще взяли к нам в компанию?» или «Небось, по блату?» В итоге еще до окончания стажировки для новичков трое уволились.

– Мы же одногодки, давайте помогать друг другу и жить дружно. – Я столько раз порывался это сказать. Но слова так и не сорвались с губ. Со мной всегда так: не могу вымолвить главное в нужный момент. А потом еще долго переживаю из-за того, что не сказал, не сумел передать. В таком состоянии смогу ли я выдержать торговую стажировку³, которая начнется после выходных?

По пути домой, в комнату, где меня никто не ждет, меня переполняла смутная тревога. Я только что получил первую зарплату, завтра начинаются длинные выходные в честь Праздника весны⁴... и все равно на душе было беспокойно.

В поезде метро меня вдруг осенило: я вспомнил слова старшего коллеги, сказанные во время стажировки: «А на что вы потратите свою первую зарплату? В принципе, можно на что угодно, но, если купите подарок тому, кто вам помог, этому человеку будет очень приятно. Так что рекомендую поступить именно так». Точно. Завтра поеду куда-нибудь и найду подарок для госпожи Нацуко. Но еще я хотел купить подарок для кое-кого другого, не менее важного! Но куда же лучше отправиться? Где найти вещь, которая порадует госпожу Нацуко? Если уж

¹ Вечное перо – японское название авторучки. Дословно: «кисть на десять тысяч лет». В японском языке это слово обладает мягким элегантным, чуть старомодным оттенком (ассоциация с качественным письменным прибором, престижем, каллиграфической традицией). *Здесь и далее прим. пер.*

² Сокурсники по найму – ключевое социальное понятие в японских компаниях. Означает людей, принятых на работу в один и тот же год. Отношения между такими коллегами часто ближе, чем с другими сотрудниками, и могут сохраняться на протяжении всей карьеры.

³ Торговая стажировка – в японских компаниях торговая стажировка означает не просто «торговля» или «продажи», а деятельность сотрудника отдела продаж, которая включает визиты к клиентам, переговоры, поддержание отношений.

⁴ Праздник весны – имеется в виду «Золотая неделя», период с конца апреля по начало мая, когда в Японии подряд выпадает несколько государственных праздников (День Сёвы, День Конституции, День зелени, День детей). Многие компании и школы закрыты примерно на неделю.

говорить о Токио, то таким местом наверняка можно было назвать магазин письменных принадлежностей «Гиндза Сиходо».

Госпожа Кисима проводила меня до главного входа в универмаг «Мацукия», выходящий на улицу Гиндза-Тюодори⁵.

– Э-эх, вам вон в ту сторону. Вы точно справитесь? А то я могла бы приставить кого-нибудь из молодых сотрудников. Сама бы проводила, но у меня сразу после этого встреча... Вы уж простите. – Госпожа Кисима, вышедшая проводить меня до входа, выглядела обеспокоенной.

– У меня есть карта, которую вы дали, так что все в порядке. Да и смартфон есть, так что как-нибудь разберусь, – ответил я как можно более непринужденно.

– Ну, если вы так говорите... Ах да! Я сейчас же позвоню в магазин, как только зайду. Там о вас обязательно позаботятся! – добавила она торопливо. В мягком взгляде госпожи Кисимы было что-то очень похожее на взгляд госпожи Нацуко.

– Спасибо вам большое. Ну, я пошел.

– Не спешите. Спокойно, никуда не торопитесь. Если что, то сразу звоните мне на мобильный. Что-нибудь придумаем, – попросила Кисима-сан, кивнув мне на прощание.

Ну прямо как мать с ребенком, который впервые в жизни отправился за покупками. Мы ведь познакомились с Кисимой-сан всего несколько часов назад, а казалось, что знаем друг друга уже целую вечность.

Я двинулся по карте, которую она набросала мне на бумажке. Судя по всему, поначалу нужно было просто идти прямо по Тюо-дори. Пройдя немного, я оглянулся; госпожа Кисима все еще стояла в углу у входа. Я слегка поклонился, и она помахала мне рукой. Если уж на то пошло, рукописную карту мне дали впервые в жизни. В наше время обычно скажут: «Зайдите на сайт магазина», и дело с концом. А на листке с нарисованной картой были еще название магазина, адрес и вдобавок номер телефона госпожи Кисимы.

Я миновал два перекрестка со светофорами, на третьем пересек центральный проспект и свернул в переулок. В отличие от нарядной главной улицы, здесь тесной чередой стояли высотные здания, и место напоминало настоящий лабиринт. Я прошел немного прямо, повернул на втором углу и наконец увидел цилиндрический почтовый ящик. Наверное, его регулярно крадут заново: яркий киноварный цвет⁶ ударил в глаза. Такие ящики я видел только в кино или старых телесериалах. И действительно, ориентир что надо. Прямо напротив него и оказался нужный мне магазин.

– Вот оно, значит... – невольно вырвалось у меня вслух.

Шел я, должно быть, минут десять. Теперь-то, когда я добрался, я понял, что все было ровно по карте, но для меня, недавно перебравшегося в Токио, это все равно стало маленьким приключением.

Мне говорили, что это старая лавка⁷ письменных принадлежностей, однако трехэтажное здание, хоть и источало ощущение возраста, ничуть не выглядело обветшалым. В нем чувствовалось благородство и вместе с тем какая-то умиротворенность; совершенно особая атмосфера. Вход представлял собой застекленную дверь, а посередине золотыми буквами было выведено: «Сиходо».

Едва я ступил внутрь, меня встретил мягкий аромат. Благовония? В отличие от резких запахов духов, которые напористо заявляют о себе, здесь была нежность. Этот запах словно

⁵ Тюо-дори – центральный проспект, главная улица Гиндзы.

⁶ Киноварный цвет – традиционный яркий красный цвет с оранжевым оттенком, характерный для синтоистских святилищ (тории) и некоторых почтовых ящиков старого образца.

⁷ Старая лавка – японский термин для компании или магазина с долгой историей, часто семейного, передаваемого из поколения в поколение. Обычно подразумевается возраст не менее 100 лет, но может использоваться и для более молодых, но уважаемых заведений.

бережно укутывал меня, измученного непривычным Токио. С легкой заминкой из глубины магазина донесся мужской голос:

– Добро пожаловать!

В этом голосе было что-то родственное мягкости благовоний. Чувствовалось, что он от всего сердца рад моему приходу. Я впервые слышал такое искреннее, такое теплое «Добро пожаловать!».

Вообще, одна из вещей, которая меня раздражает в Токио, – как раз это «Добро пожаловать!». Там, в глубинке⁸, где я родился и вырос, мы даже покупателям говорим просто «Здравствуйте». Если утро, то «С добрым утром!», если вечер – «Добрый вечер!». Думаю, тут называется и то, что большинство жителей знают друг друга в лицо. А скажи у нас «Добро пожаловать!» – это запросто могло бы прозвучать как: «О, а не впарить ли ты мне чего задумал?» Конечно, с улыбкой. Вот и получалось, что именно это меня раздражало и в круглосуточных магазинах, и в фастфудах, и в сетевых изакаях⁹, и даже в банках и в окошках госучреждений! Везде эти противно-звонкие выкрики «Добро пожаловать!».

Но «Добро пожаловать!» в этом магазине было особенным. В нем не было ни капли той тошнотворности. Почему? Я и сам толком не понимал. Может, просто от облегчения, что благополучно добрался, мне так показалось. Хозяин голоса, заметив, видимо, мою неуверенность и растерянность, сразу появился. Светло-голубая рубашка, серые брюки, однотонный темно-синий галстук, простые черные кожаные туфли на шнурках. Волосы ни длинные, ни короткие, с естественным пробором. Лет, наверное, за тридцать пять?

– Простите... это и есть магазин «Сиходо»?

Хотя я и проверил название еще перед тем, как войти за стеклянную дверь, с моих губ все равно сорвался совершенно бестолковый вопрос.

– Да, это наша лавка «Сиходо». Извините за нескромность, вы, случайно, не господин R?

– А... да, – кивнул я не очень уверенно.

– Мы вас ждали. Не заблудились?

– Нет, дорога не была сложной. К тому же мне дали вот это.

Мужчина, взглянув на листок в моей руке, слегка кивнул.

– Ну и славно. Только что звонила Кисима-сан. Сказала, что порекомендовала одному важному гостю, господину R, магазин «Сиходо». Велела встретить со всем возможным радушием, когда вы появитесь. – С этими словами он достал из кармана портмоне для визиток, вытащил одну карточку и протянул мне. – Меня зовут Такарада Кэн, я из «Сиходо». Будем знакомы, прошу любить и жаловать.

– Ах! Э-э... с-с моей стороны тоже... очень приятно... – промямлил я не очень уверенно.

Для меня, человека застенчивого, нет ничего более напряженного, чем приветствие при первой встрече. Знал ли он о моих чувствах или нет, но Такарада-сан не переставал мягко улыбаться и продолжал:

– Но, прежде всего, по какому вы делу? Наша Кисима-сан сказала только: «Кэн-тян¹⁰, короче, полагаюсь на тебя!» – и повесила трубку. Впрочем, с ней это каждый раз так... Так что я не в курсе, зачем вы пожаловали.

Тут я наконец очнулся:

– Ах да! Э-э... мне нужны почтовая бумага¹¹ и конверты...

⁸ В глубинке – здесь не просто «деревня», а противопоставление большому городу (Токио).

⁹ Изакаи – японские пивные-закусочные, традиционные бары с едой.

¹⁰ Кэн-тян – уменьшительно-ласкательное обращение от старшей коллеги Кисимы к Такараде. Суффикс «-тян» обычно используется для детей, близких женщин, домашних животных или в шутивно-фамильярном ключе между взрослыми.

¹¹ Почтовая бумага – в японском контексте обычно означает набор высококачественной бумаги для писем, часто с линовкой или узором, продаваемый вместе с конвертами.

Такарада-сан, с видом человека, который говорит: «Ну конечно, я так и думал», – глубоко кивнул, выдержал паузу и ответил:

– Слушаюсь.

Затем плавным, неторопливым жестом он повел рукой в глубину магазина и добавил:

– Пожалуйста, сюда. Основные сорта почтовой бумаги и конвертов расположены вон на тех полках.

Сам не знаю почему, но неторопливое, до мельчайших деталей учтивое обслуживание Такарады-сан было мне приятно. Суетливый подход, когда с клиентом обмениваются только сутью дела, меня сбивал с толку. Возможно, это порождение ума горожан, которые вечно куда-то спешат. Однако такой подход бездушен, словно ты имеешь дело с торговым автоматом, и мне с ним не сжиться.

Полки, куда он меня провел, были плотно уставлены самыми разными наборами бумаги и конвертов. Тут были и дорогие, с первого взгляда узнаваемые образцы, вроде бумаги ручного изготовления, васи¹², и нарядные – с краплениями засушенных цветов, и западного образца – с четкими красно-коричневыми линейками на бледно-голубом фоне. Одних только названий было достаточно, чтобы настроение само собой поднималось.

Рядом с каждым сортом бумаги лежали конверты того же дизайна. К бумаге для вертикального письма¹³ прилагались конверты «нагагата»¹⁴, для горизонтального – «ёгата»¹⁵. Беглым взглядом я прикинул и насчитал не меньше двухсот видов.

– Помимо того, что представлено здесь, у нас есть наборы с сезонными рисунками и так далее. А так называемые поздравительные карточки находятся возле отдела с открытками. – Такарада-сан окинул свои владения довольным взглядом.

– Как много... Честно говоря, я растерялся.

– Благодарю вас, – скромно улыбнулся он. – Площадь торгового зала у нас ограничена, так что выставить все, что хотелось бы, мы не можем. Зато ассортиментом бумаги васи и привозной из-за границы мы гордимся! Даже в Токио нас можно пересчитать по пальцам. Разумеется, если чего-то нет у нас, мы можем порекомендовать другие крупные магазины письменных принадлежностей. Например, в Гиндзе, в Нихомбаси, вокруг Токийского вокзала. Просто скажите, чего желаете. Ассортимент в других магазинах я в целом знаю, да и по-соседски попросить их отложить товар для вас по телефону тоже могу.

– Да нет, что вы, – смутился я еще больше. – Даже из того, что здесь, выбрать уже непросто, а уж ходить смотреть еще и в другие места... Куда мне. М-м-м...

Такарада-сан, не переставая мягко улыбаться, взял в руки один из наборов.

– Вот этот, «Таёри»¹⁶, – на вертикальную строку десять строк, фон нежно-белый, линейки едва намечены, так что подойдет на любой случай. Кстати, это наш оригинальный товар.

– О, вот оно что... – с интересом пробежал я взглядом по предложенному образцу. И правда, очень изящная работа.

Такарада-сан снял с полки двумя ярусами выше другой набор.

– А это – «Хагоромо»¹⁷. Его тоже можно купить только у нас. Один мастер бумаги васи решил, что хочет создавать не только произведения искусства, но и вещи для практического

¹² Васи – традиционная японская бумага, изготавливаемая вручную из волокон дерева кодзо (тутовник), гампи или мицумата. Отличается прочностью, долговечностью и текстурой.

¹³ Для вертикального письма (### татэгаки) – традиционное направление письма в японском языке: столбцы сверху вниз, столбцы идут справа налево. Конверты для таких писем имеют особую форму.

¹⁴ Нагагата – «длинная форма» – тип японского конверта для писем в вертикальном исполнении.

¹⁵ Ёгата – «западная форма» – тип конверта для горизонтального письма, близкий к стандартным европейским конвертам.

¹⁶ «Таёри» – название бумаги. Иероглиф означает «весточка, письмо, известие». Омофонично слову «удобный», но здесь – именно письмо.

¹⁷ «Хагоромо» – название бумаги. Буквально «крылатое одеяние», «оперение». Это отсылка к известной легенде о небес-

пользования. С тех пор все и началось. Но количество экземпляров очень маленькое... Бумага высококачественная, линованная особым способом¹⁸. Тоже на все случаи. А еще... Ах, простите! Я что-то без спроса рекомендую лишь то, что нравится мне самому.

Такарада-сан выглядел лет на тридцать пять, но от его педантично-вежливой манеры веяло чем-то неуловимо необычным.

– Оба варианта очень простые, но благородные. И смотрятся так элегантно! Правда, замечательные... – задумчиво проговорил я.

Я прекрасно знал за собой, что я нерешительный до невозможности.

– Способов выбрать бумагу и конверты по большому счету два. Первый: когда отправитель выбирает по своему вкусу. Обычный, так сказать, – подсказал Такарада-сан. – Второй: когда выбирают то, что, вероятно, порадует получателя. Те два набора, что я рекомендовал вам вначале, – это классика из классики. С ними вы не ошибетесь, но, возможно, в них нет ничего интересного. Поэтому, если позволите, не попробуете ли вы выбрать, представив того человека, которому пишете?

– Да... возможно, вы правы...

Я понимал, что совет дельный, но писать настоящие письма, то есть письма именно в конвертах, а не открытки, мне не доводилось. Открытки на Новый год – самое большее из того, что я писал.

– Раз вас рекомендовала госпожа Кисима, вы, наверное, собираетесь вложить что-то в подарок? – Заметив, что я не могу связать и двух слов, Такарада-сан пришел мне на помощь.

– Ах да, точно! Видите ли, я получил первую зарплату и хочу потратить ее на подарок бабушке в деревне. Выбрался в Гиндзу, походил туда-сюда, поглазел, но что подарить, ума не приложу... Когда я совсем отчаялся и забрел без цели в гастроном универмага, ко мне обратилась продавщица и...

Тут Такарада-сан неожиданно фыркнул:

– Неужели она сказала: «Эй-эй, парень, ты в порядке?»

– Да! Точно-точно! – воскликнул я пораженно. – «Парень, ты в порядке? Весь в поту, вид усталый. А вот ледяной гёкуро¹⁹, как раз сейчас самый сок», – и протянула мне стаканчик. Я опешил, а она вытащила откуда-то стул и говорит: «Садись давай, передохни малость». И усадила меня прямо у витрины...

Такарада-сан одобрительно кивнул, явно забавляясь:

– Госпожа Кисима именно такая: заметит уставшего или растерянного человека – и не может пройти мимо.

– Вот как... Но чай, который она мне дала, был правда очень вкусный. Нет, без преувеличения! Я никогда в жизни не чувствовал такой сладости. – Я невольно шумно выдохнул. – И она, доливая мне еще, спросила: «Что стряслось? В Гиндзу приехал и вздыхаешь. Что-то случилось?»

Право слово, удивительно. Мы знакомы с Такарадой-сан всего несколько минут, а говорить с ним оказалось неожиданно легко. Да и с госпожой Кисимой тоже. Может, сегодня у меня вообще день встреч с добрыми людьми?

– Скажите... а сколько госпоже Кисиме примерно лет? – поинтересовался я тише, будто хотел узнать что-то секретное.

– Ну что вы, спрашивать женщину о возрасте неловко, так что понятия не имею. Но она работала в универмаге «Мацукия» с тех самых пор, как я себя помню, – задумчиво ответил

ной деве (тэннин), чью хагоромо (волшебную накидку из перьев) украл смертный.

¹⁸ Способом водяного знака – в японском бумажном деле: линию для письма не печатают и не тиснят, а создают в процессе отлива бумаги, делая волокна в этом месте более разреженными (так что линия видна на просвет).

¹⁹ Гёкуро – высший сорт японского зеленого чая. Выращивается в тени за несколько недель до сбора, что дает ему сладкий, умами-вкус и низкую терпкость.

Такарада-сан. – Так что, наверное, возраст солидный. Точно, несколько лет назад она достигла пенсионного возраста, а теперь работает по контракту: занимается обучением персонала и служит таким консультационным окном для особо важных клиентов. Ах да... она, кажется, одна из немногих, кто может обращаться к президенту Мацукии на «-кун»²⁰.

– Ого... и вот такой замечательный человек меня окликнул, – выдохнул я коротко, только сейчас осознав все свое положение в тот миг.

Такарада-сан, слегка покачав головой, улыбнулся:

– Но если вы назовете ее замечательным человеком, она рассердится: «Ну вот, как страшная тетя, да?» А на самом деле строга она только к себе и к работе. А к людям, ко всем без исключения, она очень добра. Хотел бы я сам быть таким. Как торговец... нет, как человек.

Такарада-сан заговорил так, словно убеждал самого себя, и глубоко кивнул, но вдруг, будто очнувшись, почесал затылок и добавил поспешно:

– Простите, это я отвлекся.

– Нет... Мне просто хотелось с кем-нибудь поделиться тем, как добра ко мне была госпожа Кисима. Я рад, что вы выслушали, – улыбнулся я мужчине вежливо.

Если подумать, то с тех пор, как я переехал в Токио в конце марта, я, возможно, впервые рассказал кому-то о том, что случилось за день. Раньше я всегда рассказывал госпоже Нацуко все подряд, без связи, без смысла. Однажды за обедом во время стажировки я ляпнул, что запаниковал, когда автоматическая дверь не открылась. В ответ меня кто-то спросил: «И где тут соль?» Я растерялся, на меня посыпались холодные усмешки, и никто меня не поддержал. С тех пор я боялся разговаривать с людьми.

Лицо Такарады-сан дышало мягкостью: он слушал с тихой улыбкой, слегка кивал и подталкивал меня продолжать.

– Я выпил чай, немного успокоился и честно рассказал, что хочу на первую зарплату купить подарок бабушке, которая меня вырастила, но понятия не имею, что именно. Она тогда стала предлагать то одно, то другое, и в конце концов мы остановились на чае.

– Сейчас сезон нового чая, к тому же каждый раз, заваривая его, бабушка будет чувствовать вашу заботу, так что, думаю, выбор отличный. – Ответив так, Такарада-сан пробормотал про себя: «Новый чай... здорово. Надо потом тоже купить».

– Да, чай мне бы и в голову не пришел, так что я очень благодарен госпоже Кисиме, которая его посоветовала. Но вот подарок я выбрал, а она говорит: «Ты бы лучше письмо добавил». Мы с бабушкой же в LINE²¹ на связи, я думал, достаточно будет написать: «Чай я отправил из универмага». Но госпожа Кисима возразила, сказала, что хоть короткое, но надо написать. И добавила, что это ее особая просьба.

Такарада-сан, тихо протянув «М-м-м», задумчиво кивнул.

– Вот, значит, как... Поэтому вам и рекомендовали заглянуть в наш магазин.

– Да. Она сказала, что у них в универмаге, конечно, тоже есть канцелярский отдел, но ассортимент там не очень. И рассказала о лавке «Сиходо». Сказала, здесь можно посоветоваться насчет наиболее удачного выбора. Она и дала мне эту карту.

Такарада-сан чуть улыбнулся и ответил:

– Какой приятный отзыв.

– Вот, собственно, поэтому мне и нужны почтовая бумага и конверты, – закончил я короткую предысторию своего появления здесь.

²⁰ Обращение на «-кун» к президенту компании – в японском деловом этикете суффикс «-кун» обычно используется для обращения к младшим по статусу или равным (чаще к мужчинам). Называть президента компании – кун – чрезвычайная фамильярность, возможная только при исключительно близких, многолетних отношениях, когда вышестоящий позволяет себе снижение дистанции в знак особого доверия и расположения либо когда говорящий занимает настолько высокое положение, что формальные правила для него не писаны.

²¹ LINE – популярное в Японии (и во всей Восточной Азии) мессенджер-приложение, фактически стандарт общения.

– Слушаюсь. Тогда, может быть, вот это? Прошу прощения, что рекомендую в основном только наши фирменные товары... Но здесь ширина линий чуть больше обычного, можно писать свободно, не тесно. Для вашей сегодняшней цели, мне кажется, самое оно.

С этими словами он протянул мне набор бумаги с бледно-зелеными линейками, всего восемь строк. На конверте поле для индекса было того же цвета, что и линейки, а в месте для марки были нарисованы молодые листья, растущие от ветки.

– Этот цвет называется «цвет молодой листвы»²². Дизайн линеек одинаковый, а цветов представлено двенадцать видов. Этот набор называется «Послания по месяцам». Линии становятся светлее к нижнему краю.

Такарада-сан перевернул обложку набора, который я держал в руках. Линии были проведены так, словно их нарисовали тонкой кистью: книзу они становились все светлее и тоньше, а в самом низу почти исчезали.

– Этот набор появился по заказу одного нашего клиента, художника-япониста²³. Он попросил сделать бумагу для писем, которая была бы украшена, но в меру, чтобы он мог добавлять к письмам небольшие рисунки, – с нежностью в голосе пояснил Такарада-сан. – Кстати, эти линейки и миниатюра в месте для марки – его рук дело! Он сказал, что раз уж он первый предложил, то он и поможет. Ах да! И двенадцать цветов, говорят, тоже выбирал он. Японских традиционных цветов насчитывается четыреста шестьдесят пять видов²⁴, так что выбрать из них двенадцать, наверное, было непросто. Тем более что нужно учитывать сочетаемость с цветом фона. Впрочем, этим набором занимался еще владелец магазина за много поколений до меня, так что кто именно был тот художник, я уже не знаю.

С этими словами Такарада-сан показал мне другие цвета «Посланий по месяцам». То, что я увидел, было и правда поразительно хорошо подобрано! Цвет бобов адзуки с пурпурно-красным²⁵, гвоздичный, синий глицинии, хурмовый коричневый, кармин, цвет бамбуковой сажы²⁶, серебристо-серый и золотой.

– Только золотой – с использованием сусального золота, поэтому цена у него особая, – сразу предупредил Такарада-сан. – Прошу прощения, но при том, как золото продолжает дорожать, тут уж ничего не поделаешь... Да и мастеров, умеющих это делать, становится все меньше. Возможно, когда-нибудь придется отказаться от тиснения фольгой.

Все цвета были прекрасны и при этом мягки для глаз. Удивляло то, насколько удачно они были подобраны. Их нежная гамма будто успокаивала мой взгляд, словно исцеляла меня.

Конверты на полках были упакованы по пять штук в набор, перетянутый бумажной лентой. Миниатюры в месте для марки были разными, но каждая была очаровательна: на цвет бобов адзуки были изображены три боба адзуки, на цвет утренней зари – лучи восходящего солнца, а на золотом – гора Фудзи.

Такарада-сан, заметив, что мой взгляд прикован к этим миниатюрам, сказал:

– Некоторые покупатели говорят, что жалко закрывать такой рисунок маркой, и клеят ее чуть в стороне. Наш почтальон, который приносит корреспонденцию, даже несколько раз ворчал и просил, чтобы мы говорили клиентам, чтобы те клеили марку как положено.

²² Цвет молодой листвы – нежный желто-зеленый оттенок, символизирующий весну, рост, начало жизни. Один из традиционных японских цветов.

²³ Художник-японист – художник, работающий в традиционном японском стиле нихонга (японская живопись), с использованием минеральных пигментов, туши, на шелке или бумаге васи. Отличается от западного художника (ёгака).

²⁴ Японские традиционные цвета – система цветов, сформировавшаяся в японской культуре, многие из которых имеют поэтические названия, связанные с природой, сезонами, растениями, животными. В отличие от западной цветовой системы (например, Pantone), здесь важны не точные коды, а культурные ассоциации.

²⁵ Цвет бобов адзуки – красновато-коричневый, цвет вареных бобов адзуки.

²⁶ Цвет бамбуковой сажы – теплый темно-коричневый с серым оттенком, цвет бамбука, который много лет коптился над очагом. Традиционный японский цвет, связанный с деревенским бытом и старостью.

– Но я их прекрасно понимаю, – заметил я тихо. – Ах, впрочем, я буду отправлять чай вместе с письмом, так что марку клеить не придется. Тогда... дайте мне, пожалуйста, вот этот набор, с цветом молодой листвы.

Такарада-сан ответил:

– Слушаюсь. Благодарю вас.

Он взял у меня из рук товар и, приглашая следовать за собой, произнес:

– Тогда пройдемте сюда. Простите за бесцеремонность, но... у вас есть чем писать? – спросил Такарада-сан, направляясь к кассе.

Я, несмело кивнув, ответил:

– Да, я и об этом хотел спросить. Мне нужны чернила, которые подойдут вот к этому.

Я запустил руку в рюкзак и достал длинную узкую коробку. Это был подарочный футляр в черном чехле с белым логотипом, внутри которого лежала перьевая ручка.

Такарада-сан зашел за стойку, отложил в сторону выбранные мной бумагу и конверты и сказал: «Одну минуту», после чего достал из ящика белые перчатки. Затем он вынул нечто вроде продолговатого подноса, положил его на стойку и надел перчатки на обе руки. Внутри подноса был наклеен фетр; похоже, это был специальный столик для работы с ценными предметами.

– Позвольте взглянуть. – Коротко бросив эту фразу, он взял протянутую мной коробку обеими руками. Затем аккуратно поставил ее на рабочий стол, придвинул стоявший в углу стойки стул и сел.

– Прошу прощения. Если работать стоя, по неосторожности можно повредить вещь. Поэтому позвольте мне, хоть это и неучтиво перед покупателем, сесть. Если желаете, присаживайтесь вон на тот стул. – Такарада-сан указал взглядом на стул у края стойки. Я передвинул его и сел напротив.

– Montblanc... Но это не современная модель.

– Да, вы правы, – кивнул я уже увереннее.

Такарада-сан осторожно извлек подарочный футляр из чехла. На лицевой стороне подарочного футляра была изображена белая звезда – фирменный знак компании²⁷. Когда он открыл крышку, внутри оказались инструкция по использованию и гарантийный талон, а под ними, поперек коробки, покоилось вечное перо. Ручка лежала на подложке из ткани, а клип на колпачке и кольцо мягко поблескивали золотом.

– Я, честно говоря, мало что понимаю в авторучках... – признался я тихо. – Но ведь это дорогая вещь, правда? Я слышал, такие даже известные писатели используют.

Такарада-сан слегка кивнул.

– Ну, если говорить в общем, то да, это так. Это модель Montblanc Meisterstück Classic²⁸. У нее тонкий корпус, поэтому, если вставить ее во внутренний карман пиджака, она не будет мешать. К тому же, по сравнению с европейцами, у японцев руки меньше, так что для нас она подходит идеально.

– Вот оно что, – закивал я часто, внимая информации. Странное чувство: слушать пояснения о собственной вещи.

– Те, кто зарабатывает на жизнь писательским трудом, например, как те писатели, о которых вы говорили, они, кажется, предпочитают модели с корпусом чуть потолще. Например, вот эта. Тоже Meisterstück, но называется LeGrand 146.

С этими словами он достал из витрины у стойки авторучку. Силуэтом она была очень похожа на мою, но в целом чуть крупнее. Особенно корпус выглядел ощутимо толще.

²⁷ «Белая звезда» (White Star) – официальное название белой звезды с закругленными лучами – логотипа бренда Montblanc. Символизирует вершину горы Монблан (высочайшая вершина Альп), покрытую снегом.

²⁸ Montblanc Meisterstück Classic – модель авторучки. Meisterstück (нем. «шедевр») – флагманская линия Montblanc. Classic – классическая версия с тонким корпусом.

– У вашей Classic диаметр корпуса составляет двенадцать миллиметров. А у этой – тринадцать целых и три десятых миллиметра. Говорят, такая толщина удобна для долгого письма, – продолжил рассказ, как настоящий профессионал, Такарада-сан.

Я взял протянутую Такарадой-сан модель ручки, покрутил в пальцах.

– Действительно толще. Мне и моя казалась толстой по сравнению с шариковыми ручками или механическими карандашами, которыми я обычно пользуюсь. А эта ощущается еще массивнее.

Такарада-сан, ответив согласием, достал еще одну ручку.

– Самая толстая модель в линейке. У нее диаметр пятнадцать целых и две десятых миллиметра. Модель Meisterstück 149. Ее тоже любят литераторы, а еще используют на церемониях подписания международных договоров или при заключении крупных контрактов между компаниями. Для повседневного использования она, пожалуй, слишком внушительна, но для решающего момента в самый раз: солидности ей не занимать, – с доброй усмешкой заметил мужчина.

Протянутая мне модель 149 была толщиной с фломастер. Пока я разглядывал эти ручки, Такарада-сан снял колпачок с моей авторучки, которую я ему доверил. Затем он повернул корпус, разобрал ручку примерно пополам и извлек длинную тонкую деталь.

– И перо, и конвертер в идеальном состоянии. Скажу больше, – сделал он небольшую паузу. – Ими, похоже, ни разу не пользовались.

– Да, я действительно ни разу ею не писал, – подтвердил я с легким смущением.

Такарада-сан, кивнув в ответ на мои слова, взял картридж с чернилами из коробки, поднес его к свету и слегка встряхнул.

– С этими чернилами, если быть честным, никогда не знаешь, как пойдет дело. Подойдут они или нет. Так-с... дата на гарантийном талоне... Ага. Двенадцать лет назад, однако, – поднял он на миг взгляд в удивлении.

– Да, мне подарили ее, когда мне было десять лет. Это подарок от бабушки.

Такарада-сан слегка вскинул брови:

– Десять лет... Это, получается, четвертый класс начальной школы? Простите за бесцеремонность, но для младшего школьника это слишком дорогой письменный прибор, не находите?

– Вот именно, правда? Поэтому я, хоть и получил ее в подарок, в школу с собой не брал... Так и пролежала в глубине ящика. Я и сам о ней забыл, пока недавно не наткнулся.

– Понятно. Раз она не использовалась и, судя по всему, повреждений нет, думаю, достаточно будет залить новые чернила, – улыбнулся Такарада-сан. – И вы сможете пользоваться ею без проблем. Кстати, если вы собираетесь использовать вот этот конвертер²⁹, я бы рекомендовал чернила во флаконах. Но если вы часто бываете вне дома, то удобнее будут картриджи. Как вам удобнее?

– А за какими проще уход? – тут же уточнил я, руководствуясь именно этим фактором.

– Если привыкнуть, и те и другие не доставляют хлопот, но если выбирать, то картриджи, пожалуй, удобнее.

– Тогда дайте мне картриджи, – решил я не раздумывая.

– Одну минуту.

Такарада-сан вышел из-за стойки, взял с полки, где, по-видимому, был отдел письменных принадлежностей, несколько маленьких коробочек и вернулся.

– В последнее время у Montblanc появились чернила разных цветов, с игривым оттенком, так сказать, – усмехнулся он тихо. – Но для письма, которое вы собираетесь написать, лучше,

²⁹ Конвертер – сменный поршневой механизм для заправки авторучки жидкими чернилами из флакона.

пожалуй, взять нейтральный цвет. Справа налево: Mystery Black³⁰, Midnight Blue³¹, Royal Blue³². Чем левее, тем светлее и синее. Есть еще зеленые, фиолетовые и так далее, но они могут не подойти, да и в целом используются в более... неформальных случаях.

– Какой самый нейтральный? – поинтересовался я, задумчиво рассматривая чернила.

– Однозначно сказать трудно, но тот же цвет, который был в комплекте изначально, – это Midnight Blue. Раньше он назывался Blue Black.

Действительно, на старом картридже, который Такарада-сан не рекомендовал использовать, по-английски было написано: Blue Black.

– Тогда дайте мне тоже этот, – не стал придумывать я ничего нового.

– Слушаюсь.

Общая сумма покупки составила чуть больше двух тысяч иен³³. Чай, который я купил в универмаге, вместе с доставкой тоже обошелся в несколько тысяч. Я отправился в Гиндзу, ожидая, что подарок бабушке и поиск чернил для авторучки выльются в приличную сумму, но на деле все оказалось удивительно дешево. И должно быть, потому, что мне повезло встретить таких добрых людей. Я передал деньги и ждал сдачу, как вдруг Такарада-сан спросил:

– Простите, письмо вы будете вкладывать вместе с чаем? То есть сначала напишете его где-нибудь, а потом вернетесь в универмаг «Мацукия»?

– Да, так и планирую. Если я передам письмо госпоже Кисиме до шести, она сказала, что вложит его в коробку с чаем и сегодня же отправит, – кивнул я.

– Тогда, может быть, такое предложение... Если хотите, вы можете написать письмо у нас на втором этаже. Обычно мы сдаем его как открытое пространство для мастер-классов по бумажным ремеслам, каллиграфии, резке печатей³⁴, но на сегодня ничего не запланировано. Там есть стол и стулья – самое то, чтобы спокойно писать.

От неожиданного предложения я слегка растерялся. Но мне было приятно.

– А м-можно? Честно говоря, я как раз думал спросить, нет ли поблизости тихого кафе или чайной, где можно устроиться.

Такарада-сан, слегка покачав головой, ответил:

– Пожалуйста, воспользуйтесь нашим вторым этажом. Ах да, конечно, я могу порекомендовать вам и хорошие чайные по соседству, – добавил он торопливо. – Есть, например, заведение «Хоходзуэ», где я сам постоянный клиент. Там, разумеется, подают кофе и чай, а легкие закуски тоже очень вкусные. Так что, если вам хочется просто промочить горло или чуть перекусить, я с удовольствием вас туда направлю. Но для того чтобы написать важное письмо бабушке, оно не подойдет. Потому что, как ни крути, столы и стулья в чайных сконструированы так, чтобы было удобно отдыхать и наслаждаться напитком... Думаю, вы понимаете, о чем я, – улыбнулся Такарада-сан, словно зная, что я точно должен понимать, о чем он говорит.

– ...Что-то мне неловко, – сказал я и поклонился. Хотя по-хорошему надо было просто сказать: «Большое спасибо».

Такарада-сан замахал руками и с растерянным видом произнес:

– Не надо, не надо, если я заставлю покупателя так кланяться, меня боги накажут, – рассмеялся мужчина тихо. – Ну-с, а перед этим – вот ваша сдача и чек.

³⁰ Mystery Black – «Таинственный черный». Стандартный черный цвет чернил Montblanc.

³¹ Midnight Blue – «Полуночная синева». Темно-синий с черным отливом, классический «сине-черный».

³² Royal Blue – «Королевская синева». Яркий, насыщенный синий, более светлый, чем Midnight Blue. Традиционный «школьный» цвет чернил во многих странах.

³³ Две тысячи иен – около 1200–1300 рублей по текущему курсу. Для японской экономики сумма небольшая, сопоставима сходом в недорогой ресторан.

³⁴ Резка печатей – искусство вырезания иероглифов на печатях (ханко) из камня, дерева или других материалов. Традиционное японское ремесло, тесно связанное с каллиграфией.

Такарада-сан выложил сдачу на кожаный поднос. Купюра в тысячу иен, новенькая, хрустящая, и монеты, такие блестящие, словно только что отчеканенные. У меня невольно вырвалось:

– Ого! Красота какая... Монеты, оказывается, такими красивыми бывают, да? – сказал я.

– Да, я тоже так думаю. Особенно монета в пять иен³⁵. Она просто сверкает. Хоть делай из нее подвеску и носи на шее. Кстати, – добавил он с видом знатока, – вы знали, что монета в пять иен – это сплав: шесть частей меди, четыре части цинка...

– Скажите, а вы всегда так выдаете сдачу новенькими монетами?

Такарада-сан ответил «да» таким тоном, словно это само собой разумеется.

– Это и хлопотно, и комиссию платить приходится. Но я продолжаю, потому что хочу видеть, как покупатели удивляются и улыбаются. Правда, в последнее время все больше клиентов предпочитают безналичный расчет, так что мой «выход» выпадает нечасто, – сказал он с едва заметным сожалением в голосе.

– Как-то жалко класть такую красоту в кошелек, где она перемешается с другими монетами. Да и купюру складывать пополам тоже как-то не хочется, – замялся я, не зная даже, как поступить с такой красотой.

У меня кошелек-книжка, с внутренним отделением для мелочи. В студенческие годы можно было просто сунуть его в задний карман джинсов. А теперь кладешь во внутренний карман пиджака, и приходится тянуться глубже, доставать неудобно.

– Тогда давайте так, на скорую руку, – сказал Такарада-сан, положил монеты в маленький полиэтиленовый пакетик на застёжке, а новенькую купюру аккуратно вложил в бумажный конверт размером с почтовую открытку.

– Что-то мне опять неловко...

Я все время, с самого начала, только и делаю, что говорю «неловко» и «простите». Это, наверное, уже привычка. Бормоча так, я достал из рюкзака недочитанную зарубежную детективную повесть³⁶ и заложил новую купюру между страницами. Мелочь засунул вглубь рюкзака.

– «*She rides shotgun*»... – окинул взглядом книгу Такарада-сан. – Хорошая книга, правда?

Хотя на книге не было обложки, Такарада-сан с одного взгляда прочитал название.

– Вы ее читали?

– Да. Судя по тому, где у вас закладка, вам предстоит еще некоторое время получать удовольствие.

Мне почему-то стало приятно. Раньше вокруг меня почти не было людей с такими же интересами. В интернете, в соцсетях, конечно, есть сообщества любителей зарубежных детективов, но я только читаю комментарии и никогда ничего не пишу сам. Знакомые смотрят на меня с недоумением, но, в конце концов, выкладывать сокровенное незнакомцам мне было как-то боязно.

Хотя сейчас, наоборот, таких, как я, встретишь редко. Некоторые даже говорят: «Я боюсь, что, если скажу правду тем, кто меня знает, они от меня отвернутся. Поэтому с невидимыми собеседниками говорить начистоту гораздо легче». И всякий раз, когда я слышу такое, я думаю: «А тогда кто я для тебя сейчас? То, что ты мне говоришь, – это правда или ты сказал это лишь для того, чтобы найти себе оправдание?»

– Ну, тогда провожу вас на второй этаж.

Я погрузился в раздумья и очнулся только от голоса Такарады-сан.

³⁵ Пятииеновая монета – монета достоинством 5 иен. В японской культуре считается «счастливой», потому ее название звучит так же, как и слово со значением «связь», «судьбоносные отношения», «кармическая связь». Ее часто кладут в синтоистских святилищах, когда бросают пожертвование (в переводе на русский иногда шутливо называют «монетой удачи»).

³⁶ Зарубежная детективная повесть – то есть детектив/мистерия зарубежного (не японского) происхождения. В контексте японского читателя «зарубежный» почти всегда означает «европейский или американский».

Выйдя из-за кассы, он поставил на стойку настольный звонок и табличку: «Я на другом этаже. Если понадобится, пожалуйста, позвоните». Затем, приглашающим жестом сказав «Прощу сюда», повел меня в глубь магазина. Мы миновали уголок с бумагой и конвертами, куда он провел меня в первый раз, и уперлись в лестницу в самом конце. У лестницы стояла табличка: «Мастер-класс на сегодня окончен».

Мы прошли мимо нее и начали подниматься. На полпути оказалась просторная лестничная площадка, примерно в три квадратных метра, где стояли одно кресло и маленький кофейный столик. Если сесть в это кресло, отсюда, должно быть, очень удобно бесцельно разглядывать торговый зал.

– Среди наших постоянных покупателей есть один, который очень любит сидеть здесь и пить чай, – пояснил Такарада-сан, проходя дальше.

– И правда, уютно, – озираясь с интересом, кивнул я.

Такарада-сан чуть улыбнулся уголками губ и, подбадривая: «Ну, еще чуть-чуть», пошел дальше. Прямо как в горы поднимаешься. Мне стало смешно, и я тоже улыбнулся.

На втором этаже окна были шире, чем на первом, и, несмотря на то что свет не горел, весеннее солнце заливало все вокруг. Площадь, наверное, такая же, как на первом этаже, но из-за отсутствия стеллажей с товаром казалось гораздо просторнее. С правой стороны от окон была устроена небольшая приподнятая платформа в четыре с половиной татами³⁷.

Посередине комнаты стояли шесть столов на колесиках, похожих на обычные рабочие верстаки, расставленных буквой «П», и к каждому прилагалось по два стула. У левой стены от пола до потолка теснились ящики самых разных размеров.

– Вот тот стол. – Такарада-сан указал вдаль. Там меня ждал массивный, основательный письменный стол со стулом из той же древесины. На столешнице ничего не лежало; она купалась в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь щели жалюзи.

Я последовал за Такарадом-сан и подошел к столу. Видно, им много пользовались: там и сям виднелись мелкие царапины. С правой стороны было черное пятно. Наверное, когда-то перевернулась чернильница. Такарада-сан отодвинул стул и сказал:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Я, как велено, сел. Сиденье было кожаное, с довольно жесткой набивкой, но эта жесткость оказалась приятной. Я поставил оба локтя на стол. Поверхность столешницы была глянцевой, но сквозь прикосновение ощущались тонкие, живые переливы древесной текстуры. Такарада-сан открыл средний ящик в левой тумбе. Внутри лежало около десятка книг.

– Здесь основные словари, а также книги о том, как писать письма, и о правилах этикета, – заботливо подсказал он, кивнув на открывшийся вид.

Я немного успокоился. Мне казалось, что без какого-нибудь подспорья я не справлюсь.

– Большое спасибо. Я напишу быстро. – Ответив на ходу, я достал из рюкзака, стоявшего на полу, только что купленные бумагу и конверты, картриджи с чернилами и коробку с авторучкой.

– Нет-нет, не торопитесь. Вы договорились с госпожой Кисимой на шесть? Времени еще достаточно. Постарайтесь писать как можно медленнее и аккуратнее. Потому что, как ни крути, в рукописных буквах есть выражение лица. Особенно в тех, что написаны вечным пером. Улыбающееся лицо, плачущее, сердитое, радостное, нежное... Чувства, которые вы испытываете в момент написания, так и проявляются: как выражение лица.

– ...Выражение лица? – переспросил я с удивлением.

³⁷ Четыре с половиной татами – площадь, равная 4,5 стандартной циновки татами (размер одного татами – примерно 1,8 × 0,9 м ≈ 1,62 м²). Итоговая площадь – около 7,3 м². В японской архитектуре *едзехан* (4,5 татами) – классический размер маленькой комнаты.

Мне это и в голову не приходило. Но ведь и правда! У каждого почерк свой. А я так привык переписываться в LINE и по электронной почте, что возможность видеть чей-то рукописный текст выпадает все реже.

Такарада-сан, попросив немного времени, отошел к ящикам рядом со столом, достал что-то и вернулся. Похоже, ящики, которыми была уставлена вся стена, служили складскими ячейками.

– Пожалуйста, возьмите. Это благодарность за ваш визит и... как бы сказать? В память о встрече с собратом по любви к переводной литературе, – протянул он тетрадь. – Наша фирменная тетрадь в очень удобном формате³⁸.

– А м-можно мне взять?

– Обязательно. – Такарада-сан слегка кивнул.

Тетрадь, которую он положил на стол, была в тонкой серой обложке с маленькой надписью NOTE и едва намеченными линиями в том месте, где обычно пишут название и имя. Корешок ее был черный, с кремовой наклейкой. По толщине она была примерно вдвое больше обычной.

³⁸ Университетская тетрадь – в Японии так называют тетради формата A4 или B5, обычно с линовкой, на пружине или с клеевым креплением, объемом около 30–50 листов. Стандартная тетрадь для студентов, отсюда название.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.